

Нам всем прекрасно известно, какое мнение легче всего составить об Эмме Бовари. Такое же мнение легко составить и об Анне Карениной, даже о Катерине, луче света в темном царстве, и Кэтрин Эрншоу; об Элен Курагиной, а уж о Настасье Филипповне — подавно. Однако поразительно это осознанное неведение, какое столь многие любят на себя напускать, или скорее просто брать его бездумно за основу (полагаю, они делают это из глубинного страха): будто нам нечего совершенствовать, и будто нет ни стереотипа, ни той самой первичной несправедливости, какую мы все-таки можем пытаться сломать.

Я прекрасно понимаю, почему столь многим удобно взять устоявшееся мнение о каждой из этих героинь, и плясать в своих рассуждениях от изначального заблуждения, как понимаю и то, сколь выгодно это самое изначальное заблуждение. Я также не собираюсь пересказывать содержания выдающегося труда Симоны де Бовуар, или Альфреда Кинси, незнание о революционности которых сквозит в произведениях многих даже современных авторов, и я не буду говорить о трусости тех авторов,

которые не смогли отстоять своих героинь. Таким образом, я просто хочу сказать об Эмме Бовари.

Дом — монастырь — дом — мужнин дом. Можно сказать, такова траектория движения, если опустить переезд в Ионвиль, или передвижение героини из Ионвиля в Руан. Только правильно ли будет опустить эти подро-

ности? Ведь самые яркие моменты для Эммы Бовари, по каким проходится она, оглядывая свою жизнь, как раз и были связаны с тем ничтожным количеством выездов — «Первые месяцы ее замужества, прогулки верхом в лесу, вальс с виконтом, пение Лагарди...» Здесь отъезд из отчего дома, здесь бал, и прогулки с Родольфом, и театр в Руане... Конечно, можно списать на каприз. Какая порядочная женщина, имея мужа и ребенка, будет грезить о выездах, да о шике и развлечениях, и тем более мерить по подобным событиям жизнь свою? И теперь мне хочется сказать о том, что дело не лишь в физическом передвижении, какого было недостаточно, и не лишь в моральном движении, кое было богатейшим до жажды, а в том, насколько не совпадала способность и пыл природы с тем, что происходило в жизни.

Итак, с детства Эмма Бовари читала. Деревенская скука, способности ума, и книги, какие попадались под руку, соответственно, в их числе и низкопробные романы. «Женская литература», как великодушно называют подобные произведения теперь, вернее говоря, салонная проза. Конечно, можно поспорить: кто мешал Эмме выбрать чтиво получше, и отчего, как нам известно, девушкам требовалось читать иное, нежели парням? Отвечу, что, во-первых, проза, изобилующая красотами, т.е. салонная проза, — прерогатива женщин, во-вторых, романы, что читала Эмма, не обязательно были дурными романами: так мы можем представить себе, что, прочитав любое произведение эпохи романтизма, имея высокую впечатлительность, можно начать грезить о том, о чем начала грезить Эмма, в-третьих, прямых доказательств того, что читала Эмма лишь что-то дурное — нет,

так как осведомлена она была о многом, что говорило о ее развитости и разнообразии в выборе книг, к тому же, Флобер называл и авторов, прочтенных ей, таким образом, мы можем заключить, что, или он не считал, что Бовари испортили книги, или он считал авторов, которых мы нынче ценим, создателями низкопробной и губящей литературы.

Нельзя отрицать, что Эмма обладала умом, способностью, пылким нравом, внутренней силой. Эмма была личностью, названной женщиной, и оттого получившей свое — подходящее воспитание, подходящие ограничения, представление о будущих своих обязанностях, а главное, книги, какие стоит девушкам и читать.

В монастыре Эмма «мало играла во время рекреаций, хорошо усваивала катехизис и на трудные вопросы викарию всегда отвечала она». С умом Эммы сочетались ее порывы творца: «Если бы детство ее прошло на задворках торгового квартала, ее душа, быть может, раскрылась бы лирическим восторгом перед природой, которые обычно доходят до нас только в переводе писателей». Даже позднее, уже в Ионвиле, Гомэ говорил о ней: «Это женщина с большими способностями, она была бы на месте и в субпрефектуре».

Сказать, что, читая романы, Эмма пошла сама не тем путем? Однако кто же знал, как отреагирует ее нутро на такую литературу. Получается, произошедшее — воля случая? Не соглашусь здесь. Пусть Эмма — человек, который читает неправильную литературу. Но не стоит забывать о вытекающем вопросе: почему она ее читает? И если Флобер хотел показать читателя неправильной литературы, то он показал прежде всего женщину, которая априори читает неправильную литературу, ибо нече-

го женщине читать что-то, помимо романов, которые скажут ей о призвании ее — о любви (или же книги религиозного характера, где сказано о любви уже иной, и о жертве, но, как мы наблюдаем по повествованию, даже в выборе церковной литературы священник, помогавший Эмме прийти в себя после очередного срыва, обозначил, что книги стоит выбрать те, какие подходят для особы женского пола (пусть и с острым умом, как уточнил тот же священник)). Я не говорю, что женщинам навязывали чтение лишь романов, но мы все прекрасно понимаем, что по логике, сопутствующей патриархальности любого общества, женщине просто незачем читать что-то серьезное, и к тому же, скажите, откуда тогда дошедшее до нынешних нас прискорбное название для романтической пошлости в литературе — «женская проза».

Еще в отрочестве восхищенная подвигами великих женщин, наряду с великими мужчинами, Эмма сама имела силу для подвига, но из-за того, что барышне следует отдать себя любви, дому, материнству, заключив себя в имманентный круг, Эмма не только искала любви, восхитившись таковой в романах, где она громко описана, но всю силу свою, всю свою внутреннюю бурю пустив, по милости общества, папаши, Шарля, по милости человеческого мира, и порядка, царящего в нем, пустив не в то русло, и если кто-то поплатился за это — почему бы и нет? Женщина в мире мужчин не считается человеком, однако является таковым по сути своей. И если в мире мужчин женщина произвольно мстит ближнему мужчине, какой есть рядом, это можно понять: в отце, потом в муже — ее мужчина, ее хозяин и господин, будь добра.

Госпожа Бовари мечтала полететь с птицами в далекие края, она читала романы, написанные для женщин, внимала обещаниям, которые предназначаются для женщин, но обмануть ее, пожалуй, не удалось, потому как, заперев ее в имманентности, одарив ее женской долей, убили не зачатки, но самого гения, попытались заключить в клетку ураган; проще говоря, вся ее сила пошла не в то русло: так часто бывает, я уверена, при вынужденной имманентности, на какую обречены женщины, к сожалению, до сих пор.

Вы скажете: Шарль святой, и как я могу, как смею я не жалеть его — жертву этой чудовищной женщины, как смею предполагать норму того, что жертва в данной ситуации есть, и что в наличии таковой нет ничего страшного?

Итак, Шарль. Флегматичный, избалованный деревенский мальчик. Для матери — путь к трансцендентности. Отец не то что бы пекся о воспитании — полагал, что воспитывать надо, как детеныша животного, и был уверен, что «...человек, родившийся от него, не мог быть дураком».

«Зато он вырос как молодой дубок. У него были крепкие руки и здоровый румянец» — говорится о Шарле. Об учении его сказано так: «Он ничего не понимал во всем этом; и сколько ни слушал, не схватывал ничего. А между тем работал, записывал лекции в переплетенные тетради, не пропускал ни единого курса, ни одного обхода. Он выполнял свой ежедневный труд как рабочая лошадь, которая должна кружиться в приводе с завязанными глазами, не зная, для какой надобности она топчется на месте».

И было ли Шарлю дело до того, что он не любит первую жену, пребывая под ее каблуком? Следовавший наставлениям матери, проявлял он бесхарактерность и покорность, и вы скажете: «зато хороший человек», или «его погубило воспитание», а еще хуже «его погубили бабы». Тот контекст, в каком рассматриваем мы образ Шарля, не предполагает ссылок на его доброту или отсутствие таковой, скорее во внимание стоит взять слова дяди Руо, которые произносит он, отвечая на предложение Шарля (которое, по большому счету, Руо озвучил сам): «Девочка, конечно, со мной не заспорит, а все же, знаете, надо и ее спросить».

Чем было для Эммы замужество? Открытием двери, какая может отвести ее в мир, о котором она мечтала. И не потому ли мечтала она обо всем, известном нам, что уже тогда, задолго до встречи с Шарлем, нрав ее, ум ее зачихали в круг, где произошла своеобразная мутация, если хотите, брожение? Вы помните, наверняка, о женщинах, чьи ноги запирали в крошечной обуви, не давая стопе расти. Или о кольцах на шеях аборигенов, без которых шея перестает держаться. То же сделали с Эммой: крошечным башмаком стало для нее пребывание в имманентности, принятой для любой женщины, кольцами же на шею стали для нее книги, и мечты, следовавшие из чтения этих книг, мечты, захватившие ее так, что было то единственным, двигавшим ее вперед, в жизнь. А теперь представьте себе нрав, силу, ум, необычность Эммы в случае, если бы она имела возможность учиться в школе и университете наравне с учениками мужского пола. Очевидно, что мы получили бы способную ученицу и хорошего профессионала.

Что ж, замужество. Свадьба, и расставание

с прошлым образом жизни. «До замужества ей казалось, что она любит; но так как счастье, которое должна была дать эта любовь, не пришло, она стала думать, что, как видно, ошиблась. И Эмме захотелось узнать, что, собственно, разумеют в жизни под словами: блаженство, страсть и упоение — словами, которые казались ей столь прекрасными в книгах».

Человек понял, что счастье его — в ином. Не в том, что вверило ей общество, отец, религия, хороший тон, порядочность, долг, в конце концов. И в этом нет ничего особенного или удивительного. К тому же, здесь мы наглядно видим тот самый момент, о котором я сказала в самом начале: игнорируя отсутствие нормы в приписываемом женщине долге и образе жизни, читающие и трактующие данное произведение осознанно отказываются копать глубже положенной платформы, пытаются найти что-то поверх нее. Однако это невозможно. Плиту стоит поднять, и под ней найти те корни, о каких писала де Бовуар, и какие лежат в основе трагичности судеб столь известных нам героинь.

Эмма не жаждала убийства, воровства, или иного преступления. Просто оказалось, что счастье для нее в другом. Да, если считать измену преступлением против любви, то она, конечно, состоялась в конце концов, только в семье Бовари любовь исходила всего лишь с одной стороны — со стороны мужа, и любовь, слепота которой происходила не от пылкости, но от многогранной ограниченности. А значит, была ли измена Эммы преступлением? Неуважением — да, плевком — да, доказательством нелюбви к мужу — да, но не преступлением. Я полагаю, что счастье есть понятие субъективное, и восставать против того, что Бовари «пренебрегла своим

священным долгом ради страсти», тождественно тому, чтобы полагать, будто раб, обреченный на повиновение, получает от такового удовольствие.

Стоит также понимать, что Эмма — человек, который, возможно, реализовался бы в своем одиночном подвиге, однако с детства все вокруг твердило ей о том, что нет для женщины ни одиночества, ни подвига. Тогда она стала грезить о любви и любовниках (каких полно было в книгах), она будто находила выражение себя в поисках этого. Флобер пишет о сердце Эммы как о бунтующем сердце, и я уверена в том, что истинный бунт нашелся бы для нее, но направление стало иным, и возможности остановиться с какого-то момента уже просто не было: Эмма металась по кругу, и ужас от того, сколько она упустила уже, и сколько упустит в дальнейшем, сводил ее с ума.

Тем временем, само собой, отвращение Эммы к Шарлю росло. «Речи Шарля были плоски, как уличный тротуар, и общие места проходили по ним в своем будничном наряде, не возбуждая ни волнения, ни веселости, ни игры воображения. За все его пребывание в Руане ему ни разу, по его собственным словам, не захотелось пойти в театр, взглянуть на парижских актеров. Он не умел ни плавать, ни фехтовать, ни стрелять из пистолета и однажды не мог ей объяснить термина верховой езды, встреченного ею в романе».

Можно прикрыть ситуацию любовью Шарля. Но, скажите, разве есть искренность и отсутствие оскорбления в том, чтобы заставляя себя любить человека за то, что он любит тебя? Следующий вопрос: почему Эмма не расторгла брак, или не сказала Шарлю прямо, что

не любит его? Здесь объяснение простое и краткое: общественное мнение и порядок. Вспомните, как сложно было Эмме, несмотря на все ее желание, осознать, что у нее теперь есть любовник. Тем не менее, процесс был запущен уже при первом осознании своей ошибки и нелюбви, ураган уже пошел не в ту сторону, тогда как общество висело, висит и будет висеть, как низкие темные тучи, над жизнью каждого (тем более женщины, на положении которой Эмма несколько раз за роман сетовала.)

Если мы обвиняем Эмму в том, что она плохая мать, жена, и что долг свой она променяла на развлечение и удовлетворение, то, постойте, к чему тогда, даже в этом классическом восприятии произведения и непосредственно Эммы, делать из Шарля святого? Ведь если, обвиняя Эмму, мы говорим о классических обязанностях женщины и мужчины, то не значит ли это, что претензия к Шарлю должна быть ровно такой же, как и претензия к Эмме? Она — плохая жена и мать, т.е. неправильная женщина, он же — несведущий и узколобый, собственно, таким ли должен быть правильный мужчина с патриархальной точки зрения? Однако априорно в патриархальном сознании любой мужчина уже скорее прав, нежели любая женщина. Исходя из этого негласного восприятия мужского пола в нашем обществе, его преимущества и авторитета, мы можем понять, почему гонение активной Бовари (а активность в женщине возбраняется) естественно, как естественна жалость к пассивному («все люди разные!») Шарлю.

«Разве мужчина, напротив, не обязан все знать, превосходить всех многообразною деятельностью, посвятить женщину в могущество страсти, в утонченность жизни,

во все ее тайны? Но этот мужчина ничему не мог научить, ничего не знал, ничего не желал. Он думал, что она счастлива; и она сердилась на него за это непоколебимое спокойствие, за это невозмутимое, безоблачное, тупое довольство, за само счастье, которое она ему дарила».

Конечно, Шарля можно было бы пожалеть: какой несчастный мужчина, в котором отсутствуют чисто мужские качества! Только Эмму, в которой, таким образом, отсутствуют женские качества, мы сгноим, а не пожалеем, сгноим ее, как и всех остальных, возмущившихся против привитой и уготованной имманентности. И всего два случая представилось Эмме, чтобы найти свою трансцендентность: рождение ребенка, и успех Шарля после операции на ноге Ипполита.

«Ей хотелось иметь сына; он будет сильный, темноволосяй, и его она назовет Жоржем. Мысль иметь ребенка мужского пола была каким-то желанным вознаграждением за все ее прошлое бессилие. Мужчина, по крайней мере, свободен; он может испытать все страсти, посетить все страны, превозмочь препятствия, изведать недоступные наслаждения. Женщина на каждом шагу встречает преграду. Бездейственная и в то же время гибкая, она зависит и от своего слабого тела, и от закона. Воля ее, как вуаль ее шляпы, придерживаемая шнурком, трепещет от всякого ветра; всегда желание ее увлекает, а приличие удерживает».

Рождается дочь. Эмма не проявляет никакого восторга, ни активности в своем материнстве. Ее дочь будет так же имманентна, как и она сама, и нельзя будет ей через ребенка испытать страсти и увидеть страны, превозмочь препятствия и изведать недоступное. Вторая

попытка — хирургическая практика Шарля. Попытка найти трансцендентность через благополучие своего мужа, и полюбить его. Операция же оборачивается провалом, позором, который ярко чувствует Эмма на себе. Это была последняя попытка, данная Шарлю, и она не удалась. Даже если Шарль и был святым, то напрашивается вопрос: надо ли им быть в нашем мире? Конечно, обыкновенно вопросов никто не задает, потому что слово «святой», наравне со словами «семья», «традиция», «естественность», заглушает весь здравый смысл, и нам остается лишь повиноваться силе этого слова. Итак, да, нужно ли было Шарлю быть таковым? Или, что, его святость — в этой пассивности и слепоте? Да, он помогал людям, но почему нужно его профессией исключать тот момент, что он не сумел увидеть личность в своей жене, полагая, что ее счастье — в его тупом и покорном обожании, и в условиях безграничного однообразия и уюта?

«...вдыхая ноздрями утренний воздух, с душою, полною счастья ночи, ощущая спокойствие духа и довольство плоти, ехал он и пережевывал свое счастье, подобно людям, которые еще долгое время после обеда смакуют вкус съеденных трюфелей».

После двух столь крупных неудач, которые разбили для Эммы надежду на естественно пришедшую к ней косвенную трансцендентность, она продолжала ждать. Открывать окно, и ждать завтра, будто в нем непременно что-то изменится. Такова большая часть женского бытия: ждать — принца, любви, бури, свадьбы, прихоти мужа, ребенка, ждать случая, когда можешь пригодиться.

«Я ненавижу будничных героев и умеренные чувства, какие встречаются в жизни.» — Говорила Эмма. И поначалу она, конечно, превозносила любовь Шарля,

но поняв его, как личность, в которой отсутствует огонь, она поняла также, что любовь его не так уж чрезмерна. Получается, что чрезмерность любви Эмма судила по тому, как она сама способна любить, и по тому, что есть любовь лично для нее. Мы не можем винить ее за это, потому что и она, и Шарль оценивали любовь субъективно, и это неминуемо.

Гораздо более важно то, что Эмма познала пошлость законного супружества в преступной любви, как было сказано в произведении. Однако, наоборот, не есть ли преступность — в браке, а естественность — в любви? Пожалуй, это заключение прямо относится к упомянутой мной платформе, под которую столь многие отказываются заглянуть. А именно, осуждение Эммы зиждется на беспрекословном приятии святости брака, но люди запомнили, что ни Эмма, ни Каренина не любили своих мужей, и что брак есть изначально акт купли-продажи.

Теперь стоит поговорить обо всех мужчинах Бовари, и понять, почему ни с одним из них она не была счастлива.

Мы рассмотрели образ Шарля, и мы поняли: для такой натуры, как Эмма, быть вверенной такому увальню, как Шарль, — погибель. И здесь главный изъян наблюдается не столько в самом Шарле, сколько в факте того, что жена мужу вверена, и что жена в домашнем кругу заперта.

Далее, Леон. Как видно, Леон — единственный, кто хоть как-то был близок к Эмминому пониманию любви. Их мечты, их восприятие идеальной жизни были схожи, и если выбирать из всех троих, то лишь Леона можно было бы назвать одного с Эммой поля ягодой. И то, что

в итоге их любовь сошла на нет, — дань Флобера реализму, потому что, будь это произведение романтическим, Эмма и Леон бежали бы и были счастливы до конца своих дней, или умерли бы вместе, не пережив разлуки. Полагаю, что Леон был душой тонок, и жизнь в большом городе не так сильно и испортила его. Трепетный, нежный, искренний и умеющий любить, даже скромный, не терпящий грубости, — вот каким мы видим Леона. И исчезновение былой любви между им и Эммой нельзя списать на изначальную нелюбовь или преступную страсть. Видимо, в случае с Бовари, как и в случае с Карениной, все горазды цепляться за отсутствие вечности в их любви, тогда как в жизни, я уверена, те же люди посмеялись бы над романтизмом и ожиданием вечной любви.

Флобер заметил, что в роли любовницы в данном союзе был скорее Леон, нежели Эмма, и таким образом он как бы негласно развенчивает миф о мужском и женском, показывая нам вновь натуру героини.

«И в нем пробуждался мятеж против все большего поглощения его личности ее чарами. Он не мог простить Эмме ее вечной победы». — Говорится о Леоне и его восприятии. Здесь видно, что мужчину неминуемо возмутит и подавит то, что для женщины предполагается нормой, а ведь не легче ли всего увидеть абсурд и аномалию ситуации, если просто поменять местами угнетателя с угнетенным? Не стоит думать, что я говорю как об угнетателе непосредственно о Леоне. Я беру шире — говорю о мужчине как об априорном угнетателе женщины, что случилось, и что никак нельзя назвать естественным.

Что же касается Родольфа, то любовь Эммы к нему была слепой, выползшей из отчаяния и поднявшейся

в полный рост, потому что сила чувства, к какому Эмма была готова издавна, требовала выхода. Так совершают преступления, и таким преступлением Эммы против себя был роман с Родольфом. Все же нельзя сказать, что Эмма ничего не получила из этих отношений: опыт, и, я надеюсь, оргазм, каковой, скорее всего, при патриархальном восприятии акта, мог бы не состояться никогда. Естественно, разрыв с Родольфом подкосил Эмму, пусть сходить с ума она начала еще раньше.

По отношению Эммы к Родольфу видно, во-первых, тоска ее по любому проявлению трансцендентности: утрированное восприятие Родольфа как свободного мужчины ведет за собой восприятие его как путешественника и первооткрывателя, человека подвига. Это желание увидеть в том, у кого есть к тому возможность, себя, свои качества, потому что, чувствуя имманентность на своей шкуре, но не осознавая ее, недалеко до того, чтобы принять свою неспособность и превозносить в другом человеке то, чему он обязан лишь принадлежностью к своему полу.

Далее, слепота Эммы в восприятии того, что выражал к ней Родольф. «Дура» — скажется об Эмме многими, потому что Родольф не любил ее. Собственно, она его не любила тоже, лишь лечилась им. Однако стоит упомянуть здесь о диссонансе, которым отмечена женщина — ждать того, что часто не суждено ни встретить, ни испытать, ни услышать. Женщине показывают то, что является единственным возможным для нее будущим, приукрасив и облагородив это романтизмом, только вместо этого приходит вовсе нечто иное. Эмма хотела одного, Эмма читала об этом, и ждала этого, но получила другое. И никто никогда не говорил ей таких слов, какие говорил

Родольф, потому эти слова так и запали в душу Эммы, так растрогали ее, хоть были ложью. Также стоит сказать о том, что данный союз раскрывает нам следствие главного изъяна патриархальности секса: дать женщине то, к чему она не привыкла из-за неведения в собственной сексуальности, есть еще один способ поработить ее (ведь почти этого добился Родольф под конец) — путем наслаждения.

Да, я полагаю, что Эмма действительно сошла с ума, и полагаю, что требование идти против общества, когда тебе невмозготу жить тем, что тебе предписывают, — есть требование несправедливое, потому что у каждого должна быть трансцендентность без условия положить жизнь и честное имя на одно лишь приобретение таковой. Да, я хочу сохранить имя Эммы Бовари, как имя творца, которому не дали следовать своему призванию, как имя личности, загнанной в безысходность в кругу имманентности, и испорченной гендерным воспитанием.

Если сказать об Эмме, как о всего лишь выписанной героине, то она — жертва Флоберовой трусости, как Анна — жертва трусости Толстого. С ними — Тургеневская Ася, Катерина Островского, Шолоховская Аксинья, Кэтрин средней из Бронте, Настасья Филипповна Достоевского, и многие, многие другие. Так не пора ли, несмотря на трусость и отсутствие прямоты, следовать от иного, разбирая все эти произведения, написанные о женских судьбах? Даже если Флобер хотел нам сказать, что любви не бывает как таковой, даже если Флобер хотел показать абсурдность мира, и поведать обо всей глупости, какую встречал он на своем пути, мы все понимаем, что он, как и Толстой, как и остальные, многое понимал о судьбе

женщины в мире, многое знал, и, вероятно, многое осуждал, не подняв, тем не менее, вопроса напрямую, и не сделав заявления.